

П., К., и С. против Соединенного Королевства
P., C. and S. – United Kingdom (№ 56547/00)

Постановление от 16 июля 2002 г. [вынесено II Секцией]

Факты Заявители П. и К. – супружеская пара, а С. – их дочь, родившаяся в 1998 году. В период беременности П., местный орган власти получил сообщение о том, что ее сын от предыдущего брака в США был отдан под охранное попечительство в 1994 году ввиду подозрения, что он стал жертвой индуцированной болезни («синдром Мюнхгаузена по доверенности»¹) и что позднее сама П. была привлечена к уголовной ответственности и осуждена в этой связи. Местный орган власти принял решение внести еще не рожденного ребенка в «Реестр детей, состоящих под охраной государства» и произвести полную оценку потенциальной угрозы здоровья этого ребенка после его рождения. Так как родители отказались сотрудничать с властями, в апреле 1998 года местный орган власти принял решение ходатайствовать перед судом об издании чрезвычайного охранного судебного приказа в отношении новорожденного. С. родилась 7 мая 1998 г. Врачи прибегли к кесареву сечению в процессе родов. В тот же день местные власти обратились в суд за получением чрезвычайного охранного судебного приказа, и, так как в больнице подтвердили, что врачи этой больницы не могут гарантировать личную безопасность ребенка, орган власти решил исполнить судебный приказ и отобрать ребенка в распоряжение государства. Родителям было разрешено видеться с ребенком несколько раз в неделю под надзором. Местный орган власти обратился в Высокий суд с ходатайством об издании приказа об опеке над ребенком, и в ноябре 1998 года заявил ходатайство о представлении С. на удочерение и передаче на воспитание в приемную семью. Во время слушания в Высоком суде ходатайства об издании приказа об опеке юридические представители П. отказались от участия в деле. После предоставления первоначальной отсрочки слушания вопроса судья отказал отложить слушание еще раз, считая, что П. могла представлять себя в своем деле (К. отказался от участия в

¹ Синдром Мюнхгаузена относится к пограничной психической патологии, представляя одну из форм расстройства личности и ее поведения в зрелом возрасте. В международной классификации болезней синдром отнесен в рубрику «Умышленное вызывание или симулирование симптомов или инвалидности физического или психологического характера – так называемые поддельные нарушения». В последние годы в детской психиатрической практике стали описывать «синдром Мюнхгаузена по доверенности». Смысл этого расстройства в том, что родители (или один из них, чаще перенесшие расстройство сами) начинают изощренно манипулировать состоянием здоровья своего малолетнего ребенка, еще не умеющего говорить, нанося ему различные повреждения внутренних органов. После нанесения увечий родители начинают «драматическую борьбу» за здоровье ребенка с педиатрами, убеждая в необходимости проведения срочных оперативных вмешательств. Такие случаи нередко заканчиваются летально, при этом родители умершего младенца начинают тяжбу против врачей, действия или бездействие которых якобы привели к его смерти. Таким образом, «синдром Мюнхгаузена по доверенности» является типичной психической патологией, требующей адекватных мер по защите младенца. Отсюда – решение властей в данном деле предпринять срочные превентивные меры сразу же после рождения девочки.

производстве по делу) и что отсрочка в разрешении вопроса противоречит интересам ребенка. После слушания, которое продолжалось 20 дней, судья издал искомый приказ об опеке. Через неделю тот же судья рассмотрел ходатайство о представлении С. на удочерение. Он отказал в отсрочке слушания, необходимой для того, чтобы П. и К. могли найти себе юридического представителя в суде. Сделав вывод, что реальной перспективы возврата С. родителям не существует, судья издал приказ об объявлении С. ребенком для удочерения. С. была объявлена ребенком для удочерения в сентябре 1999 года, а судебный приказ о ее удочерении был вынесен в марте 2000 года. Не было принято никаких решений по вопросу о будущих прямых контактах П. и К. с их ребенком, так как вопрос о таких контактах оставлялся на усмотрение приемных родителей С.

Вопросы права *По поводу пункта 1 Статьи 6 Конвенции.* Не могло быть сомнений относительно серьезности последствий решений по делу для П. и К. От П., как от матери ребенка, потребовали представлять себя в производстве по крайне сложному делу, и ее предполагаемая склонность к причинению вреда собственным детям вместе с чертами ее личности составляли саму суть дела. Учитывая сложность дела, важность того, что решалось в данном деле и эмоциональную природу предмета спора, принципы справедливости и эффективного доступа к правосудию требовали, чтобы она пользовалась бы услугами адвоката. Более того, в то время как П. и К. знали, что подача ходатайства о представлении С. к удочерению, скорее всего, последует в течение короткого промежутка времени, это не означало, что их положение было таково, что они могли бы адекватно представлять свои интересы на слушании по этому вопросу, который также был связан со сложными правовыми проблемами и эмоциональными моментами. Европейский Суд также не был убежден аргументами государства-ответчика, что важность оперативного рассмотрения дела вызвала необходимость жестких мер по организации полноценного слушания по сложному вопросу всего через одну неделю после издания судебного приказа об опеке. Судья вполне мог бы установить строгие сроки рассмотрения дела, а возможность отложения слушания на несколько месяцев для вынесения окончательного решения по делу отнюдь не ущемляла бы интересы С. настолько серьезно, чтобы оправдать ту краткость периода времени, которая имела место между двумя слушаниями. Порядок, установленный для производства по данному делу, не только произвел впечатление несправедливого, но также не позволил заявителям представить свою позицию по делу надлежащим и эффективным способом. Таким образом, помощь защитника во время производства по делу была им абсолютно необходима.

Постановление *Вывод:* допущено нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

По поводу Статьи 8 Конвенции.

(а) В задачи Европейского Суда не входит абстрактное изучение законодательства страны, и в любом случае, так, как можно представить себе обстоятельства, в которых младенец мог бы быть усыновлен в соответствии со Статьей 8 Конвенции, нельзя считать, что закон сам по себе нарушал данную Статью.

(б) По поводу отобрания С. при рождении.

Ни кем не оспаривалось, что имел место акт вмешательства государства в права человека, что этот акт вмешательства был осуществлен на основании норм закона и преследовал законные цели защиты здоровья и прав ребенка. Что же касается необходимости такого вмешательства, то Европейскому Суду не было представлено

аргументов, убедивших бы его в том, что власти не приняли мер к тому, чтобы родители ребенка были включены в процесс расследования, которое проводили местные власти. И хотя заявители жаловались на то, что они не были должным образом осведомлены о том, что власти намереваются отобрать у них ребенка при рождении, создалось впечатление, что, тем не менее, им было известно, что такой вариант рассматривался. Фактически, до рождения ребенка никакого окончательного решения по данному вопросу не принималось. Также нельзя критиковать власти за то, что они не пытались провести слушание в присутствии обеих сторон, а местный орган власти вполне правомочно предпринял действия для получения чрезвычайного охранного судебного приказа, и для данных действий имелись достаточно обоснованные причины. Поэтому решение органа власти можно было рассматривать как необходимое.

Тем не менее, следовало также учитывать метод принятия мер органом власти. После своих родов П. изначально не вставала с постели, и не ясно, почему С. не могла оставаться в больнице и провести, по меньшей мере, некоторое время вместе с П. под соответствующим надзором, учитывая то, что физическое состояние П. ограничивало способность причинить какой-либо вред. Действительно, не было никаких подозрений на то, что П. предпримет какие-либо действия, угрожающие жизни кого-либо, а значит существовали возможности контролировать ситуацию, и не было доказано, что надзор, установленный над П., не обеспечил бы надлежащую охрану С. Следовательно, драконовская мера по отобранию ребенка сразу после ее рождения не была мотивирована достаточными основаниями.

Постановление Вывод: допущено нарушение Статьи 8 Конвенции (принято единогласно).

(с) По поводу производства по вопросу об опеке и о представлении С. на удочерение и передаче на воспитание в приемную семью.

Сложность дела и установление четкого баланса интересов С. и интересов ее родителей требовали, чтобы процессуальным обязанностям сторон, неотъемлемо вытекающим из смысла Статьи 8 Конвенции, было уделено особое внимание. Отсутствие юридического представительства П. и К. на слушаниях дела вкупе с отсутствием какого-либо достаточного перерыва между двумя слушаниями, нарушили права заявителей на справедливое и эффективное судебное разбирательство, гарантируемое Статьей 6 Конвенции, и, учитывая серьезность рассматриваемого вопроса, не позволили им также включиться в производство по делу в степени достаточной, чтобы обеспечить необходимую защиту своих интересов.

Постановление Вывод: допущено нарушение Статьи 8 Конвенции (6 голосов «за», 1 – «против»).

По поводу Статьи 12 Конвенции. Эта норма Конвенции относится к праву человека создавать семью, и как таковая не распространяется на обстоятельства, при которых вмешательство государства в семейную жизнь родителей и ребенка может быть оправдано. В отношении таких обстоятельств Статья 8 Конвенции действует как специальная норма (*lex specialis*). Следовательно, Европейский Суд не усматривает по данному делу отдельного вопроса, подлежащего рассмотрению по данной Статье.

Постановление *Вывод:* Европейский Суд не усматривает в деле отдельного вопроса, который следовало бы рассмотреть в контексте Статьи 12 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация *В порядке применения Статьи 41 Конвенции.* Европейский Суд постановил возместить причиненный заявителям П. и К. моральный ущерб на сумму 12 000 евро, а также компенсировать судебные издержки и иные расходы.